

ВИШНИ В СНЕГУ

ЗЛАТА СОЛНЦЕВА

Родилась в 1992 году. Живет в Москве. Писательница, поэтесса. Онучила Литературный институт имени А. М. Горького (мастерская Павла Басинского). Победительница конкурса от АСПИ «Мир литературы. Новое поколение»

(2022), участница Школы писательского мастерства от Фонда Филатова (2022), Литературной школы журнала «Юность» в Передельнине (2022), победительница конкурса на проживание в литературной резиденции от АСПИ (г. Орел, 2022), участница 22-го Форума

молодых писателей (2022). Вошла в лонг-листы поэтического конкурса от CWS «А завтра все изменилось» (2022) и конкурса литературного журнала «Иначе» с фотоработой «Острота переживания» (2022). Публиковалась в журналах «Пашня» и Contour.

Елена Анатольевна лежала на подушках, прикрыв веки и привалившись к стене. Костлявой рукой, покоившейся на животе, перебирала складки одеяла. Чернильная муха прыгала в углу комнаты. Хотелось ее прихлопнуть, но не было сил.

– Зоюшка, приди ко мне, – прошептала старуха, медленно разлепляя губы, за которыми темнели обломки зубов. От глубины чувств уронила слезу и заснула.

Через полчаса дверь приоткрылась, в проем высунулась голова с черным пучком волос и тут же спряталась. Голова принадлежала Зое, местной соцработнице. Девушка имела поэтически трепетную душу и приходила к Елене Анатольевне по нескольку раз на дню. То подушки поправит, то утрет губы после жидкого супа из картошки, то напоеет что-нибудь на своем, украинском.

Ее тело, широкое, с толстой шеей и потерявшимися под кожей ключицами, заполняло треть комнаты в орловском малоэтажном доме.

По утрам Зоя наряжалась в сиреневую водолазку с высоким горлом и шерстяную юбку с кружевными воланами. Обувала ноги в серые из кожама сапожки с острым каблуком, в которых семеняла по ковровину грязного болотного цвета. В пучок на голове были воткнуты черные металлические невидимки, при извлечении беспощадно дравшие волосы.

Зоя умела варить супы из топора: в далеком двухтысячном году любила слоняться по кухне, пока

ее бабушка крутилась по хозяйству. У нее и подсмотрела тысячи способов приготовления блюд из ничего. «Я его слепила из того, что было», – как пела Алена Апина в песне «Узелок». В крепкий узел стянулось Зойкино прошлое и настоящее, как рыболовная сеть, в которую попала щука.

Однажды утром Зойка обнаружила Елену Анатольевну за чтением молитвенника. Утренний свет из окна струился на кровать и белую, с жидкими волосами голову старухи. Морщины на лбу стали глубже, скулы проступили резче. Тонкие руки с синюшными венами замерли над книгой.

– Доброе утро, Ленантольня, манки? – привычно крикнула Зойка, заноса на кухню тяжелые сумки с продуктами.

– Да, золотце, лучше с комочками.

– Все сделаю.

– Спасибо, милая.

Зоя загромычала кастрюлями.

– Сон мне снился сегодня. Как Алеша, сыночек мой, зовет меня к себе в Благовещенск. Предлагает все расходы оплатить, лишь бы приехала.

– Как знать, может, сон в руку! – крикнула Зоя из кухни, снимая кашу с огня. Сегодня собрать густые темные волосы в пучок не успела: малость проспала и теперь скакала по квартире, как ужаленная.

– Сыночек-то мой из Афгана не вернулся, убили, – едва слышно прошептала Елена Анатоль-

евна, осеняя себя крестным знаменем и борясь с утренней сонливостью.

– Вы простите, что напомнила, по незнанию ведь. – Зоя подошла к подопечной и подоткнула подушки под спину.

Над головой старухи располагалось окно. Мороз разрисовал стекла узорами, как палехскую шкатулку. Елена Анатольевна полулежала спиной к окну и не видела этого.

– Ничего, детка, ничего.

Уловила ноздрями еле слышный сладковатый запах манной каши из кухни и добавила:

– А было время, когда мы с Алешей жили радостно, как у Христа за пазухой. Добрым он был, мне во всем помогал. Снял мне домик у Волги, говорил – чего хочешь? Сделаю все, что ни пожелаешь. Овощи были, вишни – все свое, без нитратов. Садовника приставил к огороду, к саду. Была у него жена, Ясечка. Уж до чего красива и мила! Я как увидела ее, сразу сказала: женись, больше такой не найдешь. Как в воду глядела. Сын у них родился, Димочка, тихий и добрый, весь в папу. Эх, что за жизнь была...

– Ленантольна, вы так никогда не доедите, если будете мне рассказывать. – Зоя посмотрела на старуху с одуванчиковым пушком на голове и для большей убедительности насупила брови. Ложка звякнула о тарелку.

– Мне этот сон дороже всего, детка. – Елена Анатольевна качнула коротко остриженной головой и глубоко вздохнула. Оправила белую прядь, в руке осталось несколько тонких волосков. – Подержи тарелку, милая. – С этими словами старуха достала из-под ночной сорочки возле груди пакетик. Через полиэтилен просвечивал небольшой обрезок темных волос.

– Это Алешины, – пояснила она и добавила к темным прядкам свои волоски, седые. Восковые пальцы с коричневыми старческими пятнами погладили прозрачный пакетик и юркнули с ним обратно под сорочку.

– Я уже сына потеряла, мужа от диабета, Дима в три года умер, а больше и некого терять, – промолвила Елена Анатольевна.

Зоя притихла у постели старухи на несколько минут, потом унесла пустую тарелку, положив подопечной под ладонь старенький кнопочный телефон со сколом на экране и пожелав хорошего дня.

После завтрака Елена Анатольевна почувствовала прилив сил. Включила телевизор, хотя покойный муж всегда говорил ей не смотреть этот, как он выражался, «зомбоящик». На первой кнопке

выступал президент. Под взглядами камер он рассказывал об устойчивом экономическом развитии страны, несмотря на санкции западных стран. Елене Анатольевне показалось, что он устал.

«Если б мой Алеша видел все это...» – подумалось ей.

В окно постучали. Елена Анатольевна вздрогнула, выключила телевизор и прислушалась.

Стук повторился.

– Зоя, это ты? – спросила она среди тишины, разрезаемой ударами в стекло.

Никто не ответил.

Елена Анатольевна попробовала пошевелить ногами, но они плохо ее слушались. Она медленно спустила их на пол, опираясь руками о края кровати. Она по-прежнему сидела спиной к окну, и ей просто необходимо было увидеть, кто стучит.

Елена Анатольевна сделала усилие и развернулась на звук.

Окно медленно распахнулось, впуская холод в прогретую комнату. Темный мужчина с тонкими чертами лица смотрел с улицы прямо на Елену Анатольевну. Его голубые глаза глядели по-доброму и, казалось, улыбались. В одной руке он держал горсть красных вишен, другой барабанил по стеклу.

Сердце Елены Анатольевны на секунду замерло и сразу же забило быстро-быстро, как птичка, попавшая в силос. Старуха потянулась к окну, вглядываясь в этот улыбающийся рот, мысленно провела ладонью по родным темным волосам, по румяным щекам, которые, наверное, кололись от того, что утром по ним не прошла бритва.

– Леша, ты пришел за мной? – сказала она.

– Мама, я снял домик в Благовещенске. Переезжай. Там вишни, яблони, свой огород...

Старуха откинулась на подушки, вытянулась, как струна, ее взгляд застыл, как будто это были не глаза, а стеклянные яблоки. Тело с повисшими руками опало на кровать. Пакетик с прядками уже не шекотал грудь, как бывало прежде. Последнее, что она подумала, – как сладко, когда тебя ждут...

В полдень Зойка пришла в квартиру приготовить жидкий суп. Комната старухи оказалась пустой и выстуженной. Снежинки залетали в распахнутое окно, оседая на полу и кровати. Зойка заметалась, заплакала: сколько ни искали Елену Анатольевну, не смогли найти. Только в узкой кровати на белой смятой простыне цепенела горстка бордовых налитых вишен, припорошенных снегом.

21 сентября 2022 года, г. Орел

БАБА

В пятницу Саша раздувала ноздри и упирала руки в бока, мечта молнии из глаз. Бабушка Ирина Леонтьевна беспомощно разводила руками, как бы отгоняя эту оглушительную волну от себя, но все равно тоже начинала захлебываться в море криков и упреков.

- Зачем ты поставила вазу на мой подоконник? Я просила не заходить в мою комнату!
- Саша, да ведь ваза-то красивая! Что я, враг тебе, что ли? – Жалобный оклик в ответ.
- Сама ставь себе свои вазы, ко мне не подойди! – Саша ударила кулаком в стену, от ярости ее лицо покраснело.

Ирина Леонтьевна беспомощно простонала и ушла на кухню. Саша осталась в комнате плакать. Стены, увешанные постерами персонажей аниме-мультфильмов, не могли ее защитить, сколько бы девочка ни желала спасения. Плакаты были повсюду, на стенах почти не осталось пустого места.

Бабушка перед уходом посмотрела на уродливые лица аниме-персонажей, подумала о том, что внучка стала для нее инопланетным существом с тех пор, как ей стукнуло двенадцать. Столько слез было пролито, столько криков слышали эти стены... Не такой жизни она желала себе, когда соглашалась смотреть за ребенком дочери Ольги и ее мужа Дмитрия. Бизнес бизнесом, но и своих

детей нельзя забывать, перекладывать на чужие плечи.

Саша уткнулась лицом в подушку, отплакала свое и заснула. Снилось ей, что Наруто протягивает ей любимую бабушкину конфету «Мечта». Саша отталкивает его руку, лицо Наруто становится бабушкиным лицом, с обвислой кожей и сединой у висков. Бабушка сжимает губы в тонкую полоску и говорит: «Оставь себе свои вазы!»

Девочка проснулась оттого, что громко хлопнула дверь. Потрогала пальцем высохшую дорожку от слез и надела наушники, включив максимальную громкость. Потерянно уставилась в компьютер, не различая ничего перед собой.

Саша всегда отличалась крутым нравом. Ее маме и отцу давалась тяжело семейная жизнь. Все у них должно было идти по строго выверенному расписанию: бизнес, рождение ребенка (вместо няни решили воспользоваться бабушкиной помощью). Ясли, детский садик, гимназия. В загородном доме, где они жили, места всем хватало. Семья казалась со стороны благополучной: высокий доход, ребенок в спецшколе, успеваемость хорошая. Но Саше этого было мало. Привыкшая в жизни получать все, она не смогла свыкнуться с мыслью, что ей не получить главного – внимания родителей.

Девочка умела кусаться, огрызаться, научилась и бить в стену кулаками (втайне мечтала

заниматься боксом, но понимала, что родители не одобряют). Бабушка казалась ей главным препятствием к счастью. Не любила Саша и старость, презирала ее – может быть, понукаемая бабушкой, не могла спокойно смотреть старости в лицо, такое знакомое и до боли родное. Это твоя кровиночка, говорил ей папа, указывая на большую «бабу», когда ей было пять лет. «Слушай ее, она плохого не посоветует».

Саша выросла, а «баба» стала на полголовы ниже, чем раньше. И вот уже девочка осмеливается не слушаться ее, прячет палочку подальше, за шкаф, чтобы та не могла ее найти. А потом идет к умывальнику и сильно трет лицо под холодной водой, пытаясь потушить пожар в крови. Она и сама иногда чувствовала, что не к добру это у нее.

День плавно перетекал в вечер. Вернулись родители, а бабушки все не было. Саша сняла наушники, в которых играла любимая кей-поп-группа. Посмотрела на часы. Маленькая стрелка приближалась к девяти. Заурчало в животе, и Саша отправилась на кухню сделать бутерброд.

– Мама не берет трубку. – Ольга расстегнула сапоги и переобулась в домашние тапочки. – С трех часов не могу ей дозвониться. Саш, она говорила, куда идет?

Девочка неохотно пожала плечами, намазывая плавленый сыр на хлеб. Она тоже заметила, что бабушки долго нет. Злость чуть отступила, и она растерянно поела бутерброд, прислушиваясь к звукам закипавшего чайника.

– К подруге пошла, наверное, – предположил папа Дмитрий и пошел в ванную мыть руки.

– Я звонила Галине Ивановне, к ней мама не приходила. Сегодня она должна была сходить в поликлинику к четверем. Но и у врача ее не было, я узнавала.

Саша покраснела... Она посмотрела на вазу с лепниной в виде чашечек хризантем, висившуюся на столе рядом с солонкой и перечницей. Щеки еще больше вспыхнули. Не так-то легко было погасить нарастающую тревогу в груди.

Саша проглотила последний кусок и заглянула в коридор. Заметила, что палочки для ходьбы нигде нет. Ирина Леонтьевна брала ее в тех случаях, когда предстоял длинный путь. Саша прислонилась к стене и скрестила руки на груди. Казалась нелепой сама мысль, что с бабушкой может что-то случиться. Она ведь была сегодня дома, и все дни до этого тоже не о чем было беспокоиться.

Девочка отправилась в свою комнату, включила компьютер и стала механически обновлять ленту в соцсети.

В это время Ольга обзванивала бабушкиных подруг.

Женщина в теплом пальто горчичного оттенка переходила Вишневу улицу, как вдруг увидела старушку, растерянно озирающуюся возле проезжей части. В правой руке она держала палочку с резной ручкой. Женщина подхватила старуху под локоть и помогла перейти улицу. Та взглянула ей в лицо, словно хотела о чем-то спросить, но потом передумала.

– Вам далеко? – спросила женщина, замедляя шаг на переходе через зебру. Своим быстрым размеренным шагом она легко могла перемахнуть дорогу, но, по всему, старухе такая скорость была не под силу.

– Не знаю, милая.

– Давайте я вас провожу. – Она попробовала поймать взгляд прохожей.

Старуха растерянно смотрела куда-то вдаль, поверх головы женщины, как будто хотела что-то разглядеть далеко за горизонтом. Платок, от усердия завязанный тугим узлом, сбился набок. Осенний холод пробирался через расстегнутое в верхних пуговицах серое пальто. Палочка с резной ручкой постукивала по асфальту при каждом движении старухи.

– Где вы живете?

– Не помню, деточка... – Старуха развела руками.

– Как же так? Что мне с вами делать?.. Пойдемте ко мне.

Женщина снова подхватила старуху под локоть, и та посеменила за своей проводницей, осторожно ступая и помогая себе палочкой. Они сели на автобус, и он довез их до неприметного одиннадцатизэтажного дома на окраине города.

– Меня зовут Люба, а вас?

– Меня Мария Леонтьевна, – отозвалась старуха, поправляя узел на платке.

– Что ж, Мария Леонтьевна, проходите, пожалуйста. Тут я живу. Скромно, но уютно. – Женщина помогла раздеться старухе. Та была одета опрятно и со вкусом – настоящая редкость для пожилых людей в их спальном районе.

– Будем пить чай. А вы расскажете, как тут оказались. Договорились?

Люба провела Марию Леонтьевну с дороги помыть руки и усадила на единственный на кухне стул со сломанной спинкой. Сама встала возле раковины.

Судя по обстановке, по небольшому количеству вещей, в квартире Люба была единственным жильцом. Во всем чувствовалась женская рука: занавески, сшитые из разных кусков ткани, вазочка на столе с искусственными цветами, несколько иконок, бережливо выставленных на полке в прихожей.

Мария Леонтьевна озиралась, крутя вросшей от старости в плечи головой. Потом обернулась и сказала:

- Видит бог, для Сашеньки я старалась больше всех.
- Сашенька? Кто это? – ухватилась Люба за единственную протянутую ей ниточку.
- Внучка моя, дочка моей Оли.
- Вы с ней живете?

– Да, только ругаемся много. Не понять мне ее никак... Кошка с собакой и то лучше ладят, чем мы...

Люба достала из шкафа пакет с пастилой и разложила ее на блюде с темной линией трещины поперек. Мария Леонтьевна протянула руку к полосочке пастилы, и Люба заметила, какие ухоженные у нее пальцы и ногти.

Люба засмузилась своих обкусанных ногтей и спрятала их в рукава растянутой кофты.

- Саша, наверное, беспокоится, что вас нету, – предположила Люба. Она задумчиво наблюдала, как менялось выражение лица Марии Леонтьевны с растерянного на печальное.
- Если бы... Она со своей... этой, анимацией обо мне даже не вспоминает...
- Напрасно вы так думаете! Я уверена, что она о вас волнуется!
- Дай бог, чтобы так.

Мария Леонтьевна надкусила полоску пастилы и запила обжигающим чаем. Руки ее подрагивали, и чашка тихонько звякнула о блюде, когда она опустила ее на место.

- Наберу-ка я Никольванычу, соседу моему. Он следователем работает. Может, подскажет, как с вами быть.

Люба приложила к уху мобильный телефон. В наступившей тишине послышались длинные гудки.

- Не берет, зараза! Утром еще наберу ему. А вы ложитесь пока спать. Утро вечера мудренее.

Люба оправила занавески на окнах, чтобы квартира не просвечивалась в наступившей темноте вечера, и ушла стелить постель для новой знакомой. Сама эту ночь поспит на диване.

Утро субботы было необычайно тихим, без шумного телевизора и песенок, которые напе-

вала бабушка за приготовлением завтрака. Саша открыла кран, выдавила зубную пасту на щетку и принялась сосредоточенно чистить зубы.

Чувство непримиримой ненависти сменилось растерянностью и неясной виной. Саша закрыла кран и проскользнула в бабушкину комнату. Постель была аккуратно заправлена, на тумбочке рядом с изголовьем блестел чехол для очков из крокодиловой кожи. Девочка почувствовала нарастающий ком в горле и быстро вышла из комнаты, пока чувство непоправимой ошибки не накатило на нее волной, как вчера вечером.

Мама собиралась на работу бесшумно, как будто опасаясь нарушить неестественную тишину, воцарившуюся в доме. С исчезновением Ирины Леонтьевны дом вмиг опустел, комнаты задышали одиночеством. От того богатого, пестрого мира, который вертелся в доме, как праздничная карусель, остались тлеющие угли.

Даже хрустальные люстры как будто тусклее светили.

Саша не пошла в школу, сказавшись больной. Учительница Таисия Ивановна дала задание на дом, и девочка облегченно вздохнула. Как многие подростки, Саша недолюбливала школу, хотя и признавала необходимость хорошего образования.

Мысли ее перекинулись на один эпизод из недавнего прошлого. Был Сашин день рождения. Решали, как его отмечать. Родители не могли вырваться с работы, поэтому было два варианта: встречать с бабушкой и ее подругами или в ресторане в кругу Сашиних друзей. Ирина Леонтьевна не переносила шумных застолий и не могла присоединиться к компании друзей внучки.

Саша заявила, что готова отмечать праздник с кем угодно, только не с бабушкой. Ольга и Дмитрий возмутились грубостью чувств их дочери и с тревогой подумали, что воспитали нравственного монстра. Тогда Саша крикнула, что вообще не будет праздновать день рождения, раз ее не считают в семье за человека.

Девочка очнулась от воспоминаний, внутри поселился въедливый червячок сомнения: не перегнула ли палку? Не была ли слишком груба? Все-таки пожилой человек... И детское «баба».

В детстве любимым Сашиним занятием было надеть толстую кофту и кружиться на животе, подняв ноги и руки над уровнем пола. Тогда еще они жили в старой хрущевке с занозистым паркетом у бабушки в комнате, который у родителей все не доходило руки покрыть лаком. Бабушка счита-

ла обороты вокруг оси, ноги и руки вертелись, рисуя в воздухе колесо. Саша смеялась и чувствовала себя как на аттракционе, веселя бабушку.

Теперь старая хрущевка давно в прошлом; Саша знала, что родители много трудились, чтобы заработать на собственный дом. С переездом за город что-то сломалось в их благополучном семейном укладе. И вот теперь Саше двенадцать, прежняя жизнь осталась за стеклом, как музейный экспонат, к которому больше нельзя прикоснуться, только смотреть на него издали, как на недостижимость.

Хлопнула входная дверь: мама и папа ушли на работу. Саша осталась одна посреди огромного дома, предательски помнившего множество некрасивых сцен с Сашиним участием. Правда, тогда Саша так не думала. Но дремавшее в подвздошье чувство соразмерности диктовало свои ориентиры, и девочка не могла сделать вид, что не замечает этих ясных, однозначных законов жизни.

В коридоре раздалась трель. Наверное, родители что-то забыли?

Саша посмотрела на экран системы наблюдения, и сердце сделало кульбит. У входной двери стояла какая-то женщина средних лет и держала под локоть ее бабушку. Замок не слушался Сашиних пальцев и не хотел поддаваться. Саша сделала усилие, и дверь распахнулась.

– Здравствуйте! Вот ваша Мария Леонтьевна! А вы, наверное, Сашенька?

Женщина легонько подтолкнула бабушку вперед. Сама осталась в коридоре.

– Только не Мария, а Ирина! – поправила Саша незнакомку. – Бабуль, мы тебя везде искали... Проходите же! – обратилась Саша к вошедшим. – Как вас зовут?

– Да это неважно, правда! Люба я.

Саша едва справилась с телефоном, набирая мамин номер. От волнения она говорила несвязно и перескакивала с одного на другое. Потом передала трубку, и женщина рассказала маме Саши о том, как нашла их бабушку. Неуклюже отказалась от денег и распрощалась.

Ирина Леонтьевна озиралась кругом и топталась на месте. Глаза ее смотрели куда-то поверх головы внучки. Что она видела? Саша не знала.

Врачи поставили Ирине Леонтьевне старческую деменцию. Саша исправно ходила за бабушкой и сама готовила ей завтраки, обеды и ужины. У бабушки забрали ключи, и теперь она выходила гулять под присмотром внучки. А в кармане ее

пальто находилась записочка с ее именем и адресом, заботливо написанная рукой внучки. На всякий случай, думала Саша, мало ли что.

Новый год встречали в теплом семейном кругу. Саша крутилась вокруг Ирины Леонтьевны, чувствуя вину перед своей «бабой». Кровиночка, как ее назвал когда-то Сашин папа, растворялась во всеобщей заботе и таяла в тепле семейного очага, как снежинка, слетевшая на ладонь.

Через полгода, весной, она совсем растаяла. Саша взяла бабушкин чехол из крокодиловой кожи и положила его на свой домашний алтарь, где хранила дорогие ее сердцу вещи: свечу с ароматом гардении, альбом с фотографиями, на которых она маленькая и счастливая... Алтарь прирос еще одним «музейным экспонатом» – вазочкой с лепниной в виде чашечек хризантем – бабушкиной красой.

Так Саша подросла и в следующие несколько лет выучилась рисовать. Она сделала копию в карандаше портретной фотографии Ирины Леонтьевны. Перестала слушать кей-поп, меньше пользовалась соцсетями, в интернет заходила, только когда нужно было по учебе. Окончила школу и поступила в мед.

Еще через пять лет она вышла замуж и родила сыночка, здорового и умного крепыша. Это твоя кровиночка, сказал сыну Сашин муж про свою ненаглядную тещу. «Баба!» – кричал мальчонка и норовил взобраться по Ольге Александровне, как по стволу крепкого дерева.

«Баба» плакала и млела.

5-16 октября 2022 года, г. Орел

